

МЕТОДОЛОГИЯ «ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ»: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА*

Д. В. Тимофеев

Аннотация. Предложены принципы и методы применения методологии «истории понятий» в работах по истории общественной мысли. В основу представленной исследовательской модели положены сравнительно-контекстуальный и проблемно-сопоставительный метод анализа текстов, созданных в процессе публичной и непубличной коммуникации. На примере сопоставления содержания и контекстов употребления понятий «право/права» в законодательных актах, словарях, учебных пособиях, проектах и прошениях, созданных на рубеже XVIII – первой четверти XIX в., выявлены противоречия в представлениях российских подданных о сущности личных прав, характере внутри- и межсословных взаимодействий.

Ключевые слова: история понятий, методы исторических исследований, история общественной мысли, гражданские права, Россия первой четверти XIX века, проблемно-сопоставительный анализ, сравнительно-контекстуальный анализ.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, dmitrtim@yandex.ru.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-00007.

METHODOLOGY OF “HISTORY OF CONCEPTS”: FROM A THEORY TO PRACTICE STUDY OF SOCIAL THOUGHT HISTORY IN RUSSIA IN EARLY 19th CENTURY

D.V. Timofeev

Abstract. The author offers principles and methods of application of the “history of concepts” methodology in the works on history of social thought. The research model is based on the comparative-contextual and problem-comparative method of analysis of texts created in the process of public and personal communication. The example of matching content and context of “law/rights” utilization in legislation, dictionaries, textbooks, projects and petitions created at the turn of 18th – first quarter of the 19th century revealed contradictions in views of Russian citizens about the nature of personal rights and character of intra- and inter- strata interactions.

Keywords: history of concepts, methods of historical research, history of public thought, civil rights, history of Russia in the first quarter of 19th century, problem-comparative analysis, comparative contextual analysis.

Timofeev Dmitrii V., Doctor of Science (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16, Sofia Kovalevskaya street, Ekaterinburg, 620990, Russia, dmitrtim@yandex.ru.

В современной методологии исторического познания одной из центральных проблем является проблема декодирования заложенной в тексте исторического источника информации. Общеизвестным представляется утверждение о двойственности природы исторического источника, который, с одной стороны, отражает субъективную позицию автора, а с другой – несет в себе информацию о существовавших в данном обществе стереотипах мышления, языковых практиках, нормах и моделях поведения. В рамках исследований по истории общественной мысли признание подобной двойственности предполагает определение тесной взаимосвязи индивидуального сознания автора источника с общественными ожиданиями, представлениями о наиболее актуальных проблемах и перспективах развития страны. Выявление такой взаимосвязи позволит избежать формализации и упрощения истории общественной мысли, которая нередко представлена в учебной и научной литературе как последовательный процесс формирования идеологий и становления различных политических организаций. В действительности же, их организационное и идеологическое становление – следствие изменений в общественном сознании, формировавших представления человека о своем месте в социуме, стремлении понять и объяснить другим необходимость, или напротив – нецелесообразность проведения преобразований. Все эти изменения проявлялись в языковой форме посредством корректировки значений ранее известных понятий, или появления/заимствования новых понятий, с помощью которых современники могли более точно выразить свое отношение к окружающей действительности и перспективах общественного развития.

При таком подходе история общественного сознания не может быть сведена к отдельным высказываниям известных мыслителей, государственных или партийных деятелей, а представляет собой эволюцию совокупности индивидуальных представлений, отраженных в множестве текстов различного функционального назначения. Именно поэтому источниковая основа исследований по истории общественной мысли может состоять как из текстов, предназначенных для широкого круга читателей, так и документов, созданных в непубличном пространстве. Законодательные акты, журнальные и газетные публикации, учебные пособия и литературно-публицистические произведения, проекты реформ и частные прошения – все эти формы коммуникативной активности в различных контекстах и ракурсах позволяют понять, *что подразумевали представители различных социальных групп*, когда использовали такие социально-политические понятия, как, например, «свобода» и «рабство», «собственность» и «закон», «конституция» или «революция» и т. п. [Тимофеев, 2011]. Сравнительный анализ трактовок и взаимосвязей понятий в различных текстах позволит выявить множество смысловых акцентов, которые возникали в процессе освоения новых идей и концепций.

Все вышесказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам «истории понятий», провозглашающей, что адекватное познание истории общественного сознания возможно только в том случае, если исследователь понимает язык прошлого. При этом перед историком стоит задача изучения не истории «обычных» слов, а истории общественных дискуссий и формирования

групповых конвенциональных соглашений о значении основных социально-политических понятий. В отличие от слова понятия не обозначают конкретные объекты материального мира, а используются людьми для выражения представлений о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Именно поэтому, по мнению одного из основоположников немецкой школы истории понятий Р. Козеллека, «значение слов могут быть достаточно точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать» [Бёдекер, 2010, с. 42]. Отсутствие у понятий четко определенного смыслового содержания, возможность его корректировки в зависимости от целей и контекста употребления обуславливают их использование в процессе конкурентной борьбы между различными общественными группами и идеологиями.

При работе с текстом исторического источника необходимо анализировать не только содержание конкретного документа и обстоятельства его создания, но и значение ключевых для понимания авторского замысла социально-политических понятий. Не менее важно сопоставлять позитивные и негативные контексты употребления понятий, а также варианты их реинтерпретации современниками в процессе аргументации личной позиции по различным вопросам. При таком подходе «история понятий» может рассматриваться не в качестве самостоятельно предмета изучения, а как *особый метод работы с историческими источниками*, позволяющий исследовать эволюцию общественного сознания и связанные с ней изменения в политической, социально-экономической и духовной сферах.

В современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось два основных направления: немецкая школа истории понятий – “Begriffsgeschichte” и англосаксонская – “History of Concepts”. Идеиные основы первого направления были сформулированы в ряде теоретических работ немецкого историка Р. Козеллека [Козеллек, 2006; 2010; 2014; 2016], который совместно с О. Брунером и В. Конце был одним из руководителей проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии» [Geschichtliche Grundbegriffe, 1972–1993]. Реконструируя процесс возникновения и изменения понятий в широком социокультурном контексте, представители “Begriffsgeschichte” стремились «рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий» [Козеллек, 2014, т. 1, с. 24].

В рамках второго направления современной истории понятий язык рассматривается как средство формирования и выражения общественного сознания в тесной взаимосвязи с практическими действиями людей, мотивы совершения и результаты которых были зафиксированы в словесно-письменной форме. По мнению ведущих теоретиков англосаксонской школы Дж. Покока и К. Скиннера, политический язык следует рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное политическое действие [Skinner, 1989; Скиннер, 2004]. Таким образом, основным предметом “History of Concepts” являются не столько собственно значения отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с различными нормативно-ценностными и политическими установками.

Признание истории понятий в качестве важного инструмента исследования разнообразных проявлений общественного сознания произошло и в российской историографии, о чем свидетельствуют многочисленные научные конференции и сборники статей, посвященные данной проблематике [Понятие государства... 2002; Исторические понятия и политические идеи в России... 2006; Очерки исторической семантики... 2009; Эволюция понятий... 2012; «Понятия о России»... 2012].

В общем виде, и в зарубежной, и в отечественной историографии последних лет происходят переосмысление итогов так называемого «лингвистического поворота» в исторической науке и осознание необходимости сближения теоретических конструктов с практикой исторического исследования. На сегодняшний день, при сохранении целого ряда принципиальных различий в подходах немецкой и англосаксонской школы, просматривается несколько важных тенденций, обозначающих перспективы развития «истории понятий» при изучении истории общественного сознания, социальной истории, истории межкультурной коммуникации, новой политической и экономической истории. Содержательно эти тенденции проявляются: а) в стремлении синхронизировать историю дискурсов с историей понятий; б) обосновании необходимости расширить круг источников посредством обращения не только к текстам «великих авторов», но и к текстам «второго плана», отображающим повседневные коммуникативные практики; в) признании значительного эвристического потенциала «истории понятий» при реконструкции процессов трансфера идей и адаптации инноваций за пределами национально-территориальных границ одного государства.

В перспективе реализация данных тенденций позволит избежать упрощения исторической реальности, которая применительно к истории общественно-политической мысли представляет собой не только историю либерализма, консерватизма и др. политических идеологий, но чаще всего процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных идей, теорий, концепций, которые современники считали полезными для решения актуальных социально-политических и экономических проблем.

Признание пластичности политических идеологий актуализирует необходимость разработки принципов и методов конкретно-исторических исследований, позволяющих выявить, что подразумевали современники изучаемой эпохи, употребляя различные социально-политические понятия, какие дополнительные значения они использовали для обоснования своих теоретических воззрений и практических действий. Применительно к истории общественной мысли такая постановка исследовательской задачи, по сути, означает нацеленность историка на изучение содержания разнообразных дискурсивных практик, зафиксированных текстах исторических источников. Реализация данной задачи, на мой взгляд, возможна посредством сопоставления различных значений и контекстов употребления понятий в публичном и непубличном пространстве.

С учетом всего вышеизложенного, общий алгоритм изучения общественного сознания может выстраиваться по следующей схеме. *Во-первых*, необходимо разделить используемые в исследовании источники на две группы. К первой – следует отнести тексты, созданные в процессе *публичной коммуникации* и направленные в большей степени на выражение позиции государственных структур или формирование общественного мнения как организованными группами, так и отдельными авторами: законодательные акты; литературно-публицистические произведения, журнальные и газетные публикации, учебные пособия и словари. Предназначенные для широкого круга читателей, все они позволяют выявить, с одной стороны, язык существовавших запретов при формировании властными структурами желательных стандартов поведения подданных, а с другой – особенности осмысления образованной частью российского общества социально-политических, экономических и культурных процессов. Вторая группа источников – *непубличные тексты*, нацеленные на достижение частных или общественно-значимых целей, но предназначенные не широкому кругу читателей, а конкретным адресатам: проекты и записки с предложениями реформ, материалы делопроизводства государственных учреждений и тайных обществ, частные письма, жалобы, прошения, и т. п.

Во-вторых, источники каждой группы целесообразно распределить по тематическому принципу в соответствии с наиболее актуальными для современников изучаемого времени проблемами. Так, например, в первой четверти XIX в. предметом для публичных выступлений и выражения частных мнений были размышления современников о необходимости совершенствования российского законодательства и системы судопроизводства; вопросы, связанные с поиском вариантов смягчения и/или отмены крепостного права; признание целесообразности интенсификации российской экономики и реформирования системы управления. Сопоставление этих проблемно-тематических блоков позволит не только более четко проследить взаимосвязи между целевыми установками авторов и социокультурными, экономическими и политическими условиями создания текстов, но и выявить отличия и сходства значений социально-политических понятий в различных дискурсивных практиках.

Следующий этап в работе исследователя – выявление в текстах источников основных социально-политических понятий и определение, в каком – негативном или позитивном – контексте они употребляются, и на какую реакцию современников рассчитывал их автор. В результате такого сочетания проблемно-сопоставительного и сравнительно-контекстуального анализа становится возможным выявление широкого спектра значений одного и того же понятия, установление их взаимосвязей в процессе осмысления современниками окружающей их социальной действительности.

В качестве примера реализации предложенного алгоритма применения «истории понятий» сопоставим расстановку смысловых акцентов концепта «право»/«права» в публичных и непубличных XVIII – текстах на рубеже XVIII – первой четверти XIX в.

Особенности трактовки понятия «право» в пространстве публичной коммуникации представлены, например, в законодательных актах, словарях и учебных пособиях для

гимназий и университетов. Следует отметить, что на уровне официальных текстов, регламентирующих взаимоотношения свободных «состояний» Российской империи, понятие «право/права» использовалось при обозначении определенных монархом для конкретной категории населения «выгод» и «преимуществ». Ярким примером такой трактовки является «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам российской империи» (1785). В этих документах «право» употреблялось как синоним слов «преимущество» и «дозволение». Так, например, в «Жалованной грамоте дворянству» объявлялось о подтверждении ранее установленных и даровании новых прав и преимуществ. Однако само понятие «право/права» встречается в тексте всего восемь раз [Полное собрание законов Российской Империи, т. XXII, № 16187, с. 347–349]², а большинство «личных преимуществ» дворян были прописаны с использованием устойчивых оборотов «...да не лишится...», «...да не судится...», «...да не коснется...» и т. п. В «Жалованной грамоте городам» понятие «право» использовалось несколько чаще и означало разрешенную властями, в случае возникновения конфликтных ситуаций между мещанами, ремесленниками, мастерами и подмастерьями, возможность обращения в магистрат, управу, сиротский суд или Ратушу [ПСЗ, т. XXII, № 16188, с. 359, 362, 371, 375].

С приходом к власти молодого императора Александра I был провозглашен курс на «восстановление силы закона». Предполагалось, что одним из важнейших приоритетов во внутренней политике новой власти будет совершенствование действовавшего законодательства и более четкое определение «прав и свобод» для каждой категории российских подданных. В действительности, юридическая регламентация с использованием понятия «права» затрагивала, чаще всего, вопрос о *праве торговли и приобретения недвижимой собственности*. Первый шаг в данном направлении – указ 12 декабря 1801 г. «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам права приобретать по покупке земли», в котором император объявлял: «...признали Мы нужным право приобретения... земель без крестьян, и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится, распространить на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям» [ПСЗ, т. XXVI, № 20.075, с. 863]. В такой формулировке расширение круга лиц, которым было «дозволено» приобретать ненаселенные земли, подразумевало, что «право» – это юридически установленная возможность, воспользоваться которой могут многие, но не все категории населения. Наличие упоминания об ограничении применения новой нормы в отношении частновладельческих крестьян укрепляло традиционную трактовку понятия «прав» как «преимуществ» в рамках исторически сложившегося сословного деления российского общества.

Подобная логика отчетливо прослеживается и в отношении внутригрупповой дифференциации. Так, например, в манифесте 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» для обозначения различий в положении российских и иностранных купцов использовалось устойчивое выражение «торговые права

² Далее в тексте используется сокращение – ПСЗ.

и обязанности» [ПСЗ, т. XXIX, № 22.418]. При этом содержание «прав» купечества было дифференцировано не только в зависимости от размера объявленного капитала, наличия российского или иностранного подданства, но и по территориальному принципу. Логическим продолжением политики Александра I по юридическому закреплению сословной и внутрисословной дифференциации «торговых прав и обязанностей» было издание 14 ноября 1824 г. «Дополнительного постановления об устройстве гильдий и торговле прочих состояний» [ПСЗ, т. XXXIX, № 30.115]. В документе детально представлен весь набор «прав и обязанностей» для каждой социальной страты российского общества: предельно четко описана процедура получения торговых свидетельств, введены ограничения по общей сумме товаров и числу используемых наемных работников, а также регламентирован ассортимент товаров, разрешенных к продаже крестьянами и мещанами в городах.

Определенное сходство трактовок понятия «право» с тем, что предписывалось на уровне законодательства прослеживается и в справочных изданиях того времени. В «Словаре Академии Российской» читатель мог найти следующее определение: «Право – 1) Преимущество, власть, данная законами или от Государя кому-либо над кем или чем (иметь право на что-то по жалованной грамоте, по наследству); 2) Узаконение (право гражданское, право народное)» [Словарь Академии Российской... 1822, с. 129]. Анализируя приведенные значения, необходимо отметить, с помощью каких слов составители словаря объясняли читателям что такое «право». Для них «право» – это, прежде всего, «власть» и «преимущества», данные по воле верховной власти, а не «возможность», предоставленная всем гражданам в равной степени.

Однако в начале XIX в. в пространстве публичного дискурса, наряду с обозначенными ранее смысловыми акцентами, появляются и новые коннотации, связанные с распространением в образованных кругах российского общества основных положений теории «естественного права». В учебных пособиях для студентов высших учебных заведений, например, «право» уже не сводилось к «власти» или «преимуществам», а преподносилось в качестве неотъемлемого атрибута любой свободной личности. Такая трактовка была типична для учебников по «естественному» и «гражданскому праву». Так, например, в пособии профессора Ф. Шмальца учащимся предлагалось поразмышлять о соотношении права и свободы: «Все права и должности теснейшим образом соединены со свободой и к ней единой относятся; ибо без свободы нельзя представить себе никаких прав и должностей, ниже свободы без прав и должностей» [Шмальц, 1820, с. 58]. Не менее отчетливо взаимосвязь «права», «свободы» и необходимости установления юридических норм отмечал А.П. Куницын, объясняя студентам Главного педагогического института свое понимание категории «право»: «...право, во-первых, как качество лица, есть возможность поступать произвольно, не нарушая законной свободы; во-вторых, как качество действия, оно означает совместимость нашей свободы со всеобщей законной свободой; в-третьих, как собрание законов, оно есть совокупность условий, при которых всеобщая внешняя свобода возможна» [Куницын, 1818, с. 23].

Как видно из приведенных выше цитат, важной характеристикой «права» признавалась возможность человека «свободно» совершать необходимые ему действия, не

нарушая законных прав других граждан. Таким образом, на уровне теоретических положений для подрастающего поколения понятие «право», помимо формально-юридического контекста, было тесно связано с понятием «свобода» и концепцией взаимных нравственных обязательств граждан.

В сфере непубличной коммуникативной практики понятия «право»/«права» использовались в различных контекстах. Чаще всего они встречаются в текстах проектов и прошений, направленных на изменение юридического статуса представителей различных социальных групп. Содержательно подобного рода тексты, как правило, отражали стремление расширить установленный законом объем «прав» для определенных категорий населения. Яркой иллюстрацией желания получить дополнительные «права» является прошение удостоенных за особые заслуги «осьмиклассными чинами купцов» о предоставлении им «права владеть деревнями». Данное прошение стало инициативным документом для издания указа 18 октября 1804 г. [ПСЗ, т. XXVIII, № 21481, с. 544–549], а позднее – основанием для составления О.П. Козодавлевым всеподданнейшей записки и проекта «Общих правил, на основании коих лица, не имеющие Дворянского достоинства, могут приобретать покупкой в собственность деревни» (1810) [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 6–21].

Обосновывая необходимость расширения круга лиц, обладавших правом собственности на «населенные крестьянами земли», О.П. Козодавлев отмечал, что данная мера, не только «ободрит земледелие как главный источник государственного богатства», но и будет способствовать «улучшению жребия поселенных в деревнях крестьян» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 6, 7, 9]. Распространение права собственности на уже освоенные земли, по мнению автора записки, может стать мощным стимулом для привлечения свободных капиталов в сельское хозяйство и промышленность. Для достижения всех этих позитивных последствий «...нужно... право владеть заселенными землями или деревнями, распространить не на одно только сословие осьмиклассными чинами пожалованных купцов, но и на другие лица, не имеющие права дворянского, как то: на именитых граждан, купцов, и им подобных членов разных сословий государства» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 9]. В результате реализации новой нормы право собственности на землю становилось бы универсальным правом всех состояний российского общества, что, по логике автора, во-первых, соответствовало указу от 12 декабря 1801 г., а во-вторых, – основным положениям манифеста 20 февраля 1803 г, предоставившего «вольным хлебопашцам» «право» выкупать у помещиков земельные участки.

Однако расширение «права» приобретения населенных земель не предполагало упразднения крепостной зависимости, т. к. потомственные дворяне продолжали бы распоряжаться находящимися на территории их имений людьми. Данное положение проекта очень важно для понимания особенностей мировосприятия автора и его современников. По мысли Козодавлева, при даровании новых прав лицам недворянского происхождения необходимо было согласовать их с уже установленными «преимуществами» российского дворянства и одновременно предусмотреть меры для недопущения злоупотреблений властью новыми помещиками. Предполагалось, что улучшение положения крестьян возможно посредством детальной юридической регламентации. По проекту

помещик-недворянин обязан был заключить с крестьянами договор, в котором должны были быть перечислены все виды крестьянских работ, а также обязательства нового владельца в случае строительства на приобретенной земле фабрики или завода выплачивать работникам заработную плату, содержать хлебные магазины и «богадельни для увечных и престарелых» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 15–16, 19]. При этом новый владелец для поддержания хозяйственной деятельности в имении получал право «главного сельского управления» и «наблюдения за нравственностью поселенных на его земле крестьян», но не мог осуществлять «разбор тяжб и споров между крестьянами», исполнять «домашние телесные наказания за неповиновение», назначать рекрутов и собирать государственные налоги. Все эти функции передавались «по примеру казенных селений, на мир и приказные избы». В качестве дополнительной меры, способствующей предотвращению своеволия помещиков, предлагалось ввести правило: содержание двустороннего договора должно было быть перед подписанием публично разъяснено крестьянам в присутствии чиновников Земского суда [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 20–21].

Теоретическим обоснованием ограничения «права» новых помещиков служило утверждение о принципиальном различии между общим для всех свободных состояний правом собственности на землю и «личным правом над крестьянами». Такое «личное право» принадлежит исключительно потомственному дворянству, но основано не на юридических нормах, а определяется морально-нравственными установками. Следует отметить, что подобная дифференциация «прав» на законодательно установленные и неформальные, «личные права» трактовалась современниками как исторически сложившаяся традиция, основанная на признании особой роли дворянства в процессе становления российского государства. В данном контексте предложение предоставить право собственности на населенные земли новым категориям российских подданных сопровождалось важной оговоркой о том, что исключительные права потомственного дворянина на владение крестьянами, не могут быть предметом купли-продажи, а следовательно «...недворянин приобретает дворянского имения, чрез приобретение оно не становится дворянином, но должен пользоваться только тем правом, какое дает право собственности над имением, но не над человеком...» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 11].

Признавая исключительность и неимущественный характер «личных прав дворянина над крестьянином», О.П. Козодавлев подчеркивал, что продажа имения лицу недворянского происхождения влечет за собой не только прекращение отношений безусловного подчинения крестьянина своему помещику, но и становится основанием для появления у крестьян юридических «прав» и обязанностей, содержание которых четко определено в договоре между ними и новым землевладельцем. Именно поэтому имение, однажды приобретенное помещиком недворянского происхождения, даже в случае его последующей продажи потомственному дворянину «...оставалось на том же праве, на каком оно было во владении недворянина». Такое правило, по словам автора, необходимо было, «...чтоб крестьян, воспользовавшихся уже однажды правом некоторой свободы, не лишать оной, связывая их новой неволей» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 619, л. 13].

Ключевым для понимания важных смысловых различий употребления понятия «право» при описании юридического положения «свободных состояний» и положения

крестьянства является словосочетание «право некоторой свободы». Условный характер такого «права» проявлялся в том, что крестьянин не мог без соответствующего письменного волеизъявления собственника имения перейти на другие земли или переселиться в город. Но при этом он рассматривался уже не просто как часть недвижимого имения, а как человек, чьи интересы должны защищать община и государство в лице чиновников казенного ведомства. В данном контексте сущность «права» крестьян, проживавших на территориях, принадлежащих лицам недворянского происхождения, не означала наделения каждого крестьянина правом отстаивать свои интересы. По сути, речь шла не об индивидуальных правах, а праве коллективном, основанном во многом на традициях крестьянского общинного самоуправления. При таком прочтении наделение правами крестьян, по сути, означало укрепление патерналистских отношений между крестьянской общиной и представителями государства.

Сравнительный анализ различных значений понятий «права»/«право» в публичных и непубличных текстах российских авторов конца XVIII – первой четверти XIX в. позволяет сделать несколько предварительных выводов об особенностях понимания современниками содержания и сущности «прав» для различных социальных групп. Во-первых, вне зависимости от степени публичности текста, в юридическом и социально-экономическом контекстах, «права» отождествлялись с «дозволением», «преимуществами» или привилегиями, которые устанавливаются верховной властью в соответствии с функциональным назначением каждой социальной страты российского общества. Не менее распространенным критерием для наделения «особыми» правами провозглашалось наличие у индивида необходимых «нравственных качеств». Подобная взаимосвязь права и морали неоднократно подчеркивалась в учебной литературе, частных прошениях и проектах при обосновании необходимости сохранения ранее существовавших или предоставления новых прав.

Однако, наряду с общностью трактовок в произведениях, предназначенных для широкого круга читателей, и в текстах, адресованных конкретным персоналиям, существовали и принципиальные различия в расстановке смысловых акцентов понятия «право»/«права». В публичных текстах понятие «права» нередко связывалось с более широкой теоретической основой, заимствованной из работ европейских философов и правоведов. В данном контексте оно не столько отражало действительность, сколько обозначало перспективы развития общества. Именно поэтому категория право оказывается тесно связанной с «личной безопасностью», «свободой», «собственностью», и шире – с признанием универсальности «естественных прав» человека. Двойственность подобной трактовки заключалась в одновременном признании целесообразности сохранения, а в некоторых случаях и еще большей дифференциации прав представителей различных состояний российского общества.

На уровне непубличных коммуникативных практик подобное противоречие проявлялась в форме прошений и проектов, авторы которых, с одной стороны, обосновывали необходимость расширения прав и свобод, а с другой, – соглашались

с целесообразностью сохранения четких юридических границ между сословными, и даже внутрисословными группами. С этих позиций, например, «права» для различных категорий городских жителей могли рассматриваться как личные, а права крестьян как общее коллективное право на покровительство со стороны помещика или государства. На практике подобная двойственность проявлялась не только в составлении решений о присвоении новых прав для одной категории населения за счет ограничения аналогичных прав для представителей других социальных групп, но и в незаконном присвоении права полного распоряжения крестьянами по «верующим письмам».

Таким образом, в общественном сознании России первой четверти XIX в. сосуществовали две разнонаправленные концепции личных прав. Одна из них провозглашалась в публичном пространстве и воспроизводила заимствованную из работ европейских авторов естественно-правовую парадигму общественного устройства, а вторая – проявлялась в повседневных практиках межличностных взаимодействий и была ориентирована на воспроизводство традиционных патерналистских отношений.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что предложенная модель изучения общественного сознания посредством выявления различных значений и контекстов употребления основных социально-политических понятий, может стать эффективным инструментом реконструкции языковой картины мира людей прошлого, особенностей понимания ими различных социально-экономических и политических идей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бёдекер Х. Размышление о методе истории понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор.* М.: НЛО, 2010. С. 34–65.

Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: Алетейя, 2006. 256 с.

Козеллек Р. Введение (Einleitung) // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т.* / пер с нем. М.: НЛО, 2014. С. 23–44.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор.* М.: НЛО, 2010. С. 21–33.

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 33–53.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // *Социология власти.* 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Куницын А.П. Право естественное. Ч. 1. СПб., 1818.

Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. 432 с.

Понятие государства в четырех языках. М.; СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. 216 с.

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1–2. М.: НЛО, 2012.

Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXII, № 16187; № 16.188; Т. XXVI, № 20.075; Т. XXVIII, № 21481; Т. XXIX, № 22.418; Т. XXXIX, № 30.115.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 619.

Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66. С. 55–66.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V: П–С. СПб., 1822.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2-х тт. / пер. с нем. М.: НЛО, 2014.

Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.

Шмальц Ф. Право естественное. СПб., 1820. С. 58.

Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. 328 с.

Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

Skinner Q. Language and Political Change // *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, 1989. P. 6–23.

REFERENCES

Bjodeker H. Razmyshlenie o metode istorii ponjatij [Thinking about a method the history of concepts], in: *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor*. Moscow: NLO Publ., 2010. P. 34–65 (in Russian).

Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka [Historical concepts and political ideas in the XVI–XX century Russia]. St. Petersburg: Aletejja Publ., 2006. 256 p. (in Russian).

Kozellek R. Einleitung, in: *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij: izbrannye stat'i*. Т. 1–2. Moscow: NLO Publ., 2014. P. 23–44 (in Russian).

Kozellek R.K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij [On the question of temporal structures in the historical development of concepts], in: *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor*. Moscow: NLO Publ., 2010. P. 21–33 (in Russian).

Kozellek R. Social'naja istorija i istorija ponjatij [Social history and history of concepts], in: *Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka*. St. Petersburg: Aletejja Publ., 2006. P. 33–53 (in Russian).

Kozellek R. «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniij» – dve istoricheskie kategorii [“The space of experience” and “horizon of expectations” – two historical categories], in: *Sociologija vlasti*. 2016. T. 28. № 2. P. 149–173 (in Russian).

Kunicyn A.P. Pravo estestvennoe [The right natural]. Ch. 1. St. Petersburg, 1818 (in Russian).

Očerki istoricheskoi semantiki russkogo jazyka rannego Novogo vremeni [Essays on the historical semantics of Russian Early Modern Times]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. 432 p. (in Russian).

Ponjatije gosudarstva v chetyreh jazykah [The concept of the state in four languages]. Moscow; St. Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2002. 216 p. (in Russian).

«*Ponjatija o Rossii*»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda [“The concepts of Russia”: the historical semantics of the imperial period]. T. 1–2. Moscow: NLO Publ., 2012 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. St. Petersburg, 1830. T. XXII, № 16187; № 16.188; T. XXVI, № 20.075; T. XXVIII, № 21481; T. XXIX, № 22.418; T. XXXIX, № 30.115 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1260. Op. 1. D. 619.

Skinner K. Kollingvudovskij podhod k istorii politicheskoi mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [Kollingvudovsky approach to the history of political thought: the establishment of the call, the prospects], in: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 66. P. 55–66 (in Russian).

Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj [Russian Academy Dictionary]. Ch. V: P–S. St. Petersburg, 1822 (in Russian).

Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij: izbrannye stat'i [Glossary of basic historical concepts: Selected Articles]. T. 1–2. Moscow: NLO Publ., 2014 (in Russian).

Timofeev D.V. *Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka* [European ideas in the socio-political lexicon educated Russian citizen of the first quarter XIX century]. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. 456 p. (in Russian).

Shmal'c F. *Pravo estestvennoe* [The right natural]. St. Petersburg, 1820. P. 58 (in Russian).

Jevoljucija ponjatij v svete istorii ruskoj kul'tury [The evolution of the concepts in the light of the history of Russian culture]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 328 p. (in Russian).

Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8 (in German).

Skinner Q. Language and Political Change, in: *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, 1989. P. 6–23.